

18+

Николай Седой

ЖИЗНЬ У КРАЯ МОГИЛЫ

Николай Седой

Жизнь у края могилы

«Издательские решения»

Седой Н.

Жизнь у края могилы / Н. Седой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622383-7

Перед читателем последние три месяца лета человека, смирившегося со своей смертью. Человека, цинично смотрящего на свою жизнь и на окружающих его людей. Но несмотря на все, у героя остаются силы на последнее хорошее дело: «Не люблю людей!» Вслед за автором вам предстоит полностью погрузиться в душевную и телесную боль героя и получить очень неожиданный психологический опыт. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-622383-7

© Седой Н.
© Издательские решения

Содержание

11 июня	6
20 июля	11
26 июля	13
5 июля	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жизнь у края могилы

Николай Седой

© Николай Седой, 2024

ISBN 978-5-0062-2383-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

11 июня

«Ох, блядь, убейте меня кто-нибудь!» – проорал я на всю квартиру. Дома никого. Я резко встал с кровати и коснулся ногами холодного пола – дверь, ведущая на балкон, была открыта всю ночь.

Встать на ноги с первого раза не получилось – начала рваться кожа на боках, под ребрами. Болячки давали о себе знать. Наконец после долгих усилий я поднялся, ввалил свою брэнную, измученную тушу в ванную и залез в душ. Надо было смыть все это дерьмо, которым я намазался чтобы успокоить болячки. Немного отойдя от бани, по привычке отправился на кухню за виски. Понедельник. Гадкое утро. Голова трещит, как лосины какой-нибудь жирной бабищи. Запустил руку в карман джинсов, которые я даже и не снимал перед тем, как окунуться в идеальный мир сновидений. Пара сотен. Этого было немного, хватало на еду, но не на лекарства. Лекарства я уже давно перестал покупать. Бесплезно. Я отхлебнул виски. Обжигало. Хреново все это. Настроение отчаянно висело в минусе и, как вонючий вялый член восьмидесятилетнего старика, никак не хотело подниматься. Любые невзгоды и даже смерть можно пережить с хорошим виски.

Вся страна орет с пеной у рта и кровавым поносом: «Как дальше жить? Доллар уже больше 70 рублей. Что же делать?» А мне все ни по чем: мой достаток как раз зависит от курса доллара. Чем он выше, тем больше шансов, что я буду есть не лапшу, запаренную в кипятке, а, например, курицу по-неаполитански, сидя в дорогом ресторане с милой блондинкой рядом. Но пока я питался только лапшой и, как следствие, кишечник бунтовал. После каждого приема пищи мне казалось, что я проглатываю бомбу замедленного действия. Никогда не знаешь, когда она рванет внутри тебя и кишечник, завывая от боли, выдаст наружу все, что ты в него запахал в последнее время. И не важно, хочешь ли ты этого или нет.

В окне виднелось, как сонный народ тянется на работу: кто-то уныло, в основном все уныло; есть, конечно, персонажи, кто идет на работу с улыбкой, но, как правило, они работают на животных должностях, на которых они мучат людей никому не нужной кроме них бюрократией. А этим червям с поволокой все это в радость. Такие, как правило, не состоялись в жизни, вот и терзают случайно зашедших к ним волею судьбы мужичков и барышень. Гадкие людишки, да и я не лучше.

Почему нельзя подохнуть нормально, просто, без лишней мороки? Раз, и все.

Приступы тошноты начинали снова подступать. Таблеток у меня не было. Как только мне поставили смертельный диагноз, я обменял пилюли на виски, процедуры на посиделки в барах, а приемы у врача на визиты к проституткам. Болезнь не излечима, и мне оставалось совсем немного. Я не хотел завершать свою молодость, лежа в больничной палате или хосписе.

Вдруг меня скрутила резкая боль в желудке.

Закинув недопитую со вчерашнего дня бутылку виски в рюкзак и хорошенько проблевавшись кровью в ванной, которую даже не захотел смывать, держась за живот, я кое-как поплелся на работу.

Работал я на автомойке. Гадкое место. Думаю, что в морге будет куда лучше. Там хотя бы спирта больше. Все людские пороки и чертовский цинизм можно увидеть именно на мойке. А еще тут поганно воняет. То ли ссаниной, то ли там кто-то сдох. Короче, хер его знает. Но воняет там по-королевски.

Доковылял до автобуса. Теперь можно и вздремнуть. В первом рейсе всегда мало народу, можно примостряться в уголке и спокойно отдохнуть или попытаться ухватить за хвост последний сон. Эх, люблю я сны. Пожалуй, единственно хорошее, что происходит в моей жизни, происходит во сне. Там может быть все: покой, тишина, умиротворение. Там ты и сам можешь быть кем угодно. Там ты всегда здоров, всегда богат, всегда успешен. Там ты можешь

быть с кем угодно: с родными и любимыми. Эх, люблю сны. Хлебнув виски из рюкзака и немного поморщившись, я прислонил голову к стеклу, в котором пролетали до боли знакомые продуктовые магазины и людишки у забегаловок, грешащие чревоугодием, и попытался вернуться в свой утренний сон. Такой хороший, светлый и немного наивный. Не совсем помню, про что это было. Кажется, сон был про какого-то мужика, про которого почему-то снимали фильм. Хороший такой фильм. Он кирял, ходил на скачки и жил в мебелирашках, а еще про него сняли фильм. Хороший мужик. Настоящий.

Несмотря на жуткую боль в животе, мне всегда становилось легче, когда я закрывал глаза. Главное – представить, что все хорошо, и боль немного проходит. Представить, как все могло бы быть хорошо, если бы не мое неизлечимое заболевание, которое положит меня в могилу, не успеет мне исполниться и тридцати. Хотел бы я вылечиться? А за чем? В этом мире мне уж точно лучше не будет, посмотрим, как будет в другом. Унылые, серые здания пролетали одно за другим. Не знаю почему, но мне они нравились. Они были настоящими. Они не прятали свою серость за яркими фасадами, в отличие от большинства людей. Они были честнее.

Вообще я не особо люблю людей. Мизантроп? Вероятно. Социопат? Конечно. Поганые нынче люди пошли. И я в общем-то не лучше, но я хотя бы признаю и понимаю это. А вот другие... Поэтому я не люблю с этим биологическим мусором пересекаться.

И вот она, работа моей мечты, – автомойка. В такое раннее время клиентов почти нет. У входа стоял паренек и жадно покуривал папироску. Это был Толик – гадкий, сопливый ублюдок с сальными волосами, который, судя по сопровождаемому его движения шлейфу трупного запаха, был человеком дождя, то есть мылся, только когда шел дождь. Мы с ним намывали машины. Этот больной ублюдок считал своим истинным долгом оставить большой шматок своих склизких соплей хозяину в машине, под торпедой. Ну натуральный ублюдок! Таких только на острове доктора Моро выращивают. Я тоже оставлял сюрпризы хозяевам, но, к счастью, это была не зеленая жижа из носа. Это было кое-что посерьезнее. Но об этом позже. Толик протянул мне свою руку. Я даже не хотел к ней прикасаться. Он всегда ее протягивает, а я всегда игнорирую.

«Здорова?!» – вопросительно крикнул он мне вслед после того, как я проигнорировал его вонючую персону.

«Да пошел ты на хуй!» – кинул я, проходя мимо него и изо всех сил пытаюсь при этом дышать.

Не знаю, слышал он или нет, меня это не особо волновало. Для меня было важно доработать свою проклятую смену и при этом не заблевать кровью и желчью автомобиль клиента, как это было в прошлый раз. В прошлый раз было особо тяжело. Такого желания судьбы уложить меня в могилу я уже давно не припоминал.

Как-то раз я приехал на работу с дикого бодунища – даже домой не заезжал, просто под утро из очередного бара отправился на мойку. Мутило меня страшно. Меня вообще постоянно мутит. Рак желудка – это не шутки. Но в тот раз было особо тяжело – я еле сдерживался. По дороге на автомойку есть небольшое общежитие. Обычная российская общага с дикими тараканами в комнатах и головах жильцов. По дороге на работу всегда можно было встретить какого-нибудь забулдыгу, который не смог дойти до своего подъезда и которого зеленый змей свалил рядом в кустах. Так вот в тот раз по дороге на работу мне пришлось остановиться у общаги и хорошенько проплеветь кровью и желчью. Дело было гадкое. Вваливаюсь я, значит, в кусты, чуть ли не вползая, держась за живот, громко постанывая, сдерживая чудовищные потуги рвоты, поганого завтрака, крови и виски вырваться наружу. Меня рвало минут десять без перерыва. Под конец сил держаться на ногах уже не было и, сев на задницу на землю, я сливал потоки вырывавшейся из меня мутной жижи себе между ног. Поганое это было дело. Очень поганое. В глазах то темнело, то снова становилось все ясно. В какой-то момент мне показалось, что вот оно – конец все же пришел. Конец моих мучений. Тут, в кустах, окружен-

ный со всех сторон лужей крови и блевотиной, рядом с прогнившей непросыхающей общагой, с такими же непросыхающими жителями, с мужчинами, которые по вечерам лупят своих жен ради самоутверждения, и с женщинами, готовыми продать кому угодно, хоть самому черту, и раздвинуть ноги за гроши, лишь бы поскорее покинуть этот ад. Но, видимо, во мне силы еще оставались, и забег к страстному поцелую с костлявой старухой еще продолжается. В такие моменты я старался думать о чем-то хорошем. О том, что я буду делать, когда этот приступ пройдет. Как я завалюсь на свою кровать с бутылкой виски или бурбона, включу веселенькую американскую музыку и меня заберут крепкие руки Морфея и унесут в идеальный мир сновидений.

Я пришел в себя от мыслей. Подъехала машина. Солидная такая. Мерседес купе представительского класса. В салоне двое. Мужик в дорогом солидном костюме и накрахмаленной рубашке и то ли его дочь, то ли любовница. Хер пойми. Этот свин вылез из салона только с третьей попытки, пока я прикидывал, сколько стоит машина, на которой они приехали. В какой-то момент мне даже показалось, что его спутница начнет толкать эту жирную скотину в спину, чтобы он наконец вывалился из столь прекрасной машины и не портил ее своим присутствием. Но она сидела, уткнувшись в телефон, – делала вид, что не замечает его тщетные потуги. Наконец это животное вывалилось из авто. Но то ли на радостях, то ли от того, что его пальцы настолько распухли, а, может быть, это животное сделало это специально, он роняет ключи от машины. И удаляется в сторону ресепшена со словами барина своему нерадивому холопу «сам поднимешь».

«Ах ты сучья скотина!» – чуть было не вырвалось у меня от накатившей ярости.

Но в силу того, что клиент всегда прав, я покорно промолчал. Этот свин, даже если бы и захотел их поднять, то не смог бы: ему слишком мешал его здоровенный живот, за которым он даже члена своего не видит. Девушка даже и не думала выходить. «Поругались что ли», – подумал я. Легонько постучал пальцами по окошку, запачканному грязью, тем самым выманивая эту цыпу с ее насеста. Надо было побыстрее избавиться от этой туповатой шалавы. Я уж было хотел открыть дверь, думал, она не слышит. Но тут она сама вылетела пулей из машины, так же быстро, как приходит оргазм к сорокалетнему мужику. Сударыня остановилась у въезда в бокс и с кем-то оживленно начала разговаривать по телефону, активно при этом жестикулируя руками, как это делают малолетние глупые девочки, которые стоят из себя суперзвезд. Я подал воду в шланг, пытаюсь не обращать внимания на ее громкий куриный треп. Но не смотря на все мои попытки отстраниться от ситуации, до меня доносились обрывки ее разговора.

«Да у него с сердцем проблемы! Помрет скоро! Да потому, что эта скотина жрет как не в себя. Валер, я так соскучилась. Он помрет, и я останусь ни с чем, его жена все заберет», – говорила барышня, даже не пытаюсь сделать голос тише или как-то утаить тему разговора.

Ага! Попалась, сука! Своего любовничка еще на погост не успела отправить, а уже снова на блядки пизду свою нацелила! Ох, вы сукины дети, стоите друг друга! Ну я вас прищучу, ей-богу, прищучу! Пора было заняться делом и как следует проучить этот биологический мусор. Как только я намочил авто для вида, сразу скользнул в салон рукой, нашарил под торпедой нужный мне разъем и вставил в него аппаратуру, которая впоследствии поможет мне обойти штатный иммобилайзер, затем перевел внештатную сигнализацию в режим программирования брелоков и перезаписал брелок хозяина авто и заодно свой. В салоне все было, как у свињи в хлеву: раскиданные бумажки, свертки, фантики. В такой-то машине! Ну натуральное скотинище!

Дальше я рванул к чайнику. Дело свое я знал хорошо. Из шариков силикогеля, вскипяченных в старом ржавом электрическом чайнике, сделал слепок ключа зажигания. Дело уже почти сделано.

«Ну, суки, вы у меня попляшете, я вас обоих прищучу, вы у меня пешком ходите!» – злорадствовал я без капли смущения.

Уже почти все готово. Осталось только пометить эту красавицу. Примагнитив спутниковый маяк к днищу, чтобы найти его потом в огромном мегаполисе, я принялся обильно поливать авто моющим средством с пеной.

«Вот так вот. Пешочком ходите», – буркнул я себе под нос, слегка потирая руки, довольный профессионально проделанной работой.

«Что ты там сказал?» – крикнул мне Толик из соседнего бокса, перекрикивая шум льющейся воды.

«Да пошел ты на хуй, Толик!» – крикнул я ему в ответ и продолжил намывать машину как ни в чем не бывало.

Остаток дня прошел без каких-то интересных событий. Вся моя работа на автомойке сводилась к тому, что я намывал машины, целиком и полностью погруженный в свои глубоко философские мысли. В размышления о людях, пригоняющих сюда свои автомобили, о том, кто они такие, чем они живут, и, конечно же, я думал о том, когда же все-таки старуха придет за мной и задушит своими костлявыми руками в ледящих объятьях. В наших серых буднях человек не замечает, как его разум закисает. Вот и мой закис. Иначе я объяснить не могу, почему я тут вообще работаю, учитывая мой диагноз. Хрен его знает, на кой черт я вообще сюда пошел. Наверное, просто люблю машины. Просто люблю машины, и все тут. Общение с ними доставляет мне намного больше удовольствия, чем с людьми. Машины никогда не предадут, никогда не изменят, не требуют почти ничего взамен – просто сел и поехал. А еще машины позволяют мне хоть как-то держаться на плаву. Я их угоняю, разбираю, а запчасти продаю – на эти деньги и живу. В общем мне не так много лет, я смертельно болен, а еще я угонщик.

Вообще контингент тут, на автомойке, очень разный. Я имею в виду не этого грязного засранца Толика, а серую массу, приезжающую к нам на своих авто. Как правило, контакт мойщика железных коней с их наездниками проходит весьма и весьма сухо. Банальный загон жеребца в стойло, безразличный взгляд в мою сторону или вообще его отсутствие, что даже лучше, уход владельца в даль, в сторону ресепшена, на котором кто победнее просто сидит и смотрит уже затертые временем и такими же посетителями автомобильные журналы, а кто посOLIDнее пытается подбивать клинья к барышням на стойке ресепшена, которые, звонят Толику, спрашивая, на какой машине приехал клиент. Узнав примерную стоимость автомобиля, они решают принимать льстивые ухаживания очередного потенциального любовника или же строить из себя приличную, порядочную барышню. А мужики, в свою очередь, совсем не лучше. Взять хоть даже этого заплывшего жиром животновода, который кое-как вываливался из мерседеса. Готов поспорить на свой большой раком желудок, что он-то не упустит своего шанса поприставать с Кристине и как можно скорее залезть своими пальцами, похожими на толстые сосиски, к ней в трусики. А она, в свою очередь, не упустит шанса вытягивать из этого кабана денег на шмотки и маникюр, который эта блядина каждый день обсуждает со своей коллегой – такой же, как она, девушкой-администратором Настей. Гадкие, вонючие пробляди! Может быть, я уже вконец свихнулся, но мне казалось, что, проходя мимо них я чувствую запах потных мужских волосатых причиндалов, которые минут пять назад побывали у них под короткими юбками, хотя, возможно, во всем виноват вонючий ублюдок Толик. Он с неподдельной наивностью пятиклассника пытается затащить блядовитую Кристину на свидание, а, может быть, и сразу в кровать, но его кошелек слишком мал, чтобы у него появилась своя гравитация, которая могла бы позволить притянуть к нему длинноногую Кристину и раздвинуть ее ноги. Ох, эти две пробляди друг друга стоят. Хотя с другой стороны, красоты и обаяния этим двоим не занимать. Неудивительно, что все мужики им под ноги штабелями ложатся. И на свидания зовут, и замуж, и в отпуск с ними съездить или просто банально потрахаться. Кристину – длинноногая брюнетка, которая плевать хотела на всякие дресскоды и рамки приличия – носит короткую юбку, из-под которой, наверное, веревочка тампона была бы видна если приглядеться. Но у этой сучки есть чувство стиля. Настя – блон-

динка, – впрочем, не лучше, хотя она такие юбки не носит. Зато она постоянно выпячивает свою грудь. Но не перед абы кем, а только перед тем, кто приехал на машине стоимостью минимум в три миллиона рублей. Для нее это какая-то мистическая и сакральная цифра, хотя бьюсь об заклад, что она даже слов таких не знает. В общем, этот дружный коллектив состоит из любовных зависимостей: Толика от Кристины и Насти, а этих двух – от толстых пачек денег. И у всех них было много работы по удовлетворению своих животных инстинктов.

До конца дня интересных машин не было. Приезжали одни работяги на своих колымагах. Ничего не имею против простенько одетых мужичков на отечественных машинах, которые при встрече со мной здороваются за руку, а прощаясь, желают удачного дня. Мне в них многое нравилось. Но особенно в таких людях выделяются глаза. И это не те дикие свиные глазенки, как у того борова, приехавшего сегодня на мерседесе. Нет. У них глаза, как у какой-нибудь дворняги, измученной жизнью, сидящей недалеко от входа в метро или рядом с очередной чебуречной и смотрящей напрямую в душу каждого проходящего мимо человека в надежде на помощь.

День закончился вполне обыденно, можно даже сказать неплохо: меня больше не рвало, и, как следствие, я не заблевал в судорожном приступе салон какого-нибудь дорогущего автомобиля и не получил по роже от его хозяина, а самое главное – я нашел свою очередную жертву.

20 июля

Снова тошнит. Поганое чувство. Как будто из тебя выходит все дерьмо. Все дерьмо, которое ты накопил за свою никчемную и бессмысленную жизнь. И после того как вся эта жижа выходит из тебя с гадким хрюканьем, тебе наивно кажется, что вот сейчас-то все наладится, это был последний раз и сейчас станет хорошо. Не станет. Лучше никогда не наступает.

Как-то пару раз было совсем плохо: я в очередной раз думал, что вот она – смерть, наконец-то я отмучился. Но, к сожалению, безумное и желанное randevu с костлявой старухой с косой в руках откладывалось, и приходилось терпеть адскую боль, разрывающую желудок, время от времени заполняющую рот алой и густой кровью. В такие нелегкие времена я начинаю машинально приговаривать один стишок. Бессмысленный и глупый. Не помню уже, кто его написал и как я о нем узнал.

Я жил на море в агонии шторма,
Буря гремела, и мучали волны.
Пустив сквозь себя цунами объятья,
Вышел на берег я в поисках счастья.

Я жил в клетке, скованный страхом,
Всегда готовый встретиться с плахой.
Срывая оковы ледящей стали,
Вылетел птицей в далекие дали.

Я жил в доме, как в тлеющей камере,
Полыхал вместе с ним, окутанный пламенем,
Сгорел вместе с домом себе же назло,
Восстал из пепла, и мне хорошо.

Бессмысленное занятие, но оно спасало получше, чем обезболивающие, прописанные врачом, которые я пил вначале. Бросил я все это дело.

Когда у меня нашли неоперабельный рак, мне было не так много лет, я был совсем молод. Молод, наивен, доверчив и труслив. Вообще я никогда не славился отвагой или же чем-то подобным. Тут все совсем наоборот. Когда об этом я узнал от врача, то даже немного обрадовался: за неудавшегося, малодушного суицидника судьба сама сделает всю грязную работу. Просто прекрасно. Она умело делает то, на что у меня не хватало духа. Пару лет назад я сидел на кровати, впервые упитый вусмерть, и всей душой хотел прыгнуть в пустоту небытия и наполнить свое тело излишним свинцом. Это был пятничный вечер. Погано было на душе. За горами несколько десятков лет жизни и оставшиеся пару лет счастья точно не добавят.

Теперь я провожу время за бутылкой, лежа во все той же кровати или работая, – не важно. Денег, получаемых с черных автомобильных дел, хватало, чтобы умирать хотя бы не в нищете. Поэтому из коньяка я предпочитаю Remy Martin, а из виски – Dewear. Бывает, лежишь на выходных в кровати в одних трусах, рядом с тобой винишко, жрешь какую-нибудь непонятную полуфабрикатную гадость, слушаешь камерную музыку и кажется, что жизнь не так уж и плоха по своей сути. И кажется, что все не так уж и плохо и не так уж и плохо быть одному. Нет, я совсем не против одиночества, скорее наоборот, оно делает меня сильнее. Будучи в абсолютном одиночестве, мы приходим в этот мир и, будучи полностью одиночками, дышаем. Вообще, в одиночестве лучше всего познаются любые проблемы бытия. Я за то,

чтобы любые проблемы на человека сваливались только в те моменты, когда он был одинок – так бранные, вялые и разморенные комфортом тушки серой массы – люди – становятся крепче.

26 июля

Потерянный в судьбе. Что это значит для меня? То, что я бы мог стать кем-то, стать человеком с большой буквы, получить уважаемую профессию. Например, врача, или пожарного, или военного. Достойные люди? Очень. Но такая выпала мне судьба – получить рак желудка, покрыться болячками с ног до головы себе на погоны, пить вино, заливая свое горе и боль. Во времена, когда я лежал на полу в разбитой квартире, которую я снимал на окраине Москвы и, свернувшись калачиком, скулил от боли, мне помогало только вино. Вино и фантазии. Может быть, я уже давным-давно свихнулся от безумного уровня боли, не принимая при этом никакие лекарства, и вообще это все происходит не со мной. Когда я еще был маленьким, где-то я слышал, что от сильнейшей боли люди сходят с ума. Но вот какого это на самом деле? Приятное ли это ощущение? Попадаешь ли ты в замечательный, волшебный, розовый мир, или же все твое существование превращается в одну сплошную пытку и скрытые, немые вопли отчаяния? Не знаю. Погано все это.

Несмотря на боль в такие моменты я старался надеть на себя как можно больше вещей. Не знаю до конца, зачем я все это делал. Наверное, хотел согреться. Согреться объятиями матери, которой никогда не знал и которых мне до безумия не хватало в моменты приступов боли. Если бы она пришла и обняла мое измученное и израненное тело, то уверен, что произошло бы чудо. Но чудес в нашей жизни не бывает. Совсем не бывает. Я детдомовский. Одиночка. Временами, напившись, в беспмятстве я лежу где-то в под забором, или в канаве, или на заброшенной свалке и, корчась от боли, зову ее вместо старухи с косой, чтобы именно она забрала меня туда, где все будет хорошо. Туда, где все счастливы. Туда, где все чувствуют себя хорошо. Трезвея, я понимаю, что совсем не достоин рая, о котором часто мечтаю, забившись в угол своей убитой квартирке и терзаемый судорогами плача навзрыд. Я человек слабый и веду себя соответствующее: вору, распутствую...

Я сидел под деревом на сырой земле в парке, скрываясь от луча фонаря и пытался залить все эти мысли алкоголем. Пытался как-то договориться с ней. Положил свою худую, высохшую руку и ласково провел по ней, собирая частички грязи под ногти. Она была очень холодная, влажная. Может быть даже такая же холодная, как моя душа.

«Наверное, когда ты обнимешь меня, мне наконец-то станет хоть чуточку теплее», – обратился я к сырой земле, предвкушая ее пылкие объятия после моей скорой кончины.

Время было уже далеко за полночь, мои джинсы уже давно все промокли насквозь от сырой почвы, но вставать я не собирался. За последние пару недель мне, на удивление, было очень хорошо. Хорошо как физически, так и морально. Не часто такое бывает. Мне казалось, что это белая полоса была предвестником скорой кончины. Создавалось ощущение, что судьба по редкой милости своей решила сделать мне подарок и дает возможность уйти спокойно, и я с упоением наслаждался этим подарком с барского плеча.

Было уже очень поздно. Я сидел под раскидистым деревом, меня ласково укрывали листья густого кустарника, как бы заманивая в свой неведомый и неопознанный мир. Но что-то меня еще держало тут. В метрах тридцати проходила одна из дорожек большого парка, по которой пару часов назад гуляли запозднившиеся собачники, а также местные синие, цирозные забулдыги. Собачники разошлись, а алкашей разбросал по канавам зеленый змей. Остался только я. Одиночка. Я ждал человека. Человека, с которым уже давно жаждал увидеться.

Вдали под фонарями показался темный силуэт и, сразу же скользнув в ночную темноту парка, начал рывками приближаться ко мне. Вскоре силуэт навис надо мной циклопической черной бесформенной колонной.

«Здравствуй, Лис», – проговорила фигура.

«Здравствуй, Яша», – ответил я своему ночному спутнику.

Яша, немного постояв, нависая надо мной в ожидании какого-то действия с моей стороны, и не получив никакой ответной реакции, нехотя опустился на влажную землю. Затянулась немая пауза, и казалось, что прохладный ночной воздух начинает электризоваться.

«Красивая, мягкая», – протянул я, ласково поглаживая грязь правой рукой. Яша молчал в непонимании, слегка косившись на меня, и слышалось только его размеренное дыхание во мраке ночи.

«Сколько тебе осталось?» – наконец, немного засмутившись, спросил он.

«Знаешь, я как-то лежал у нас в парке, в нашем пригородном парке. Там трава такая. Знаешь? По пояс закрывает. И так тихо и спокойно. И вроде бы и проблем никаких нет, и вроде бы все в порядке. И вроде бы она колется поначалу, а потом приминается под тобой и становится мягче и легче, а дальше – сон. Мечтаю о том, чтобы со мной было так же. Не хочу уходить в муках. Хочу во сне: тихо, спокойно. Выйти в ромашковое поле, лечь в траву и уснуть...», – я оборвал свой поток внезапных откровений.

«Что еще скажешь?» – смущенно и резко спросил Яша, пытаясь хоть как-то разбавить этот полуночный философский и в тоже время шизофренический монолог.

«Две девушки тебя ждут на углу Баррикадной и Садового. Все как договаривались», – вдруг, к удивлению для себя, быстро переключился и серьезно отчеканил я.

Обычно я только способствую угону, ставя на автомойке все необходимое оборудование, а вот непосредственно самим угоном занимается Яша. Пожалуй, единственный человек из семи миллиардов, который меня бесит меньше всего. Не многословен, говорит только по делу, держит свое слово, выполняет обещания, а большего мне и не надо.

«Что врачи сказали после очередного обследования?» – продолжил аккуратно интересоваться Яша, повернувшись ко мне и смотря на меня в упор. Я молчал. Яша знал, что мне скоро конец и протяну не долго, но в особые подробности моего гадкого положения посвящен не был.

«Я никогда тебе не говорил, с кем я работаю, как и чего. Этого человека все называют Бродяга, мужик солидный, уважаемый по возрасту, мне в отцы годится. Но дело свое знает. Держит банду в железном кулаке. Сам вроде как детдомовский, а, может, и нет, в общем, у него не понятно с семьей», – вдруг на редкость разговорился мой ночной собеседник.

Треп Яши уже начинал мне надоедать. Я отхлебнул еще урожая 1969 года. В этом году американские космонавты высадились на Луну. Интересно, какого побывать там? Откинув голову на ствол дерева, я устремил свой взгляд на звезды. Еще Яша все это время рассказывал про своего босса – Бродягу. Про то, как он становился криминальным авторитетом.

«Мы с тобой уже давно дела имеем. Может быть, к нему обратимся? Он человек серьезный. Со связями. Может быть, он поможет», – закончил Яша.

«Хорошее вино. Vecchio Maniero Marchesi Di Barolo. Италия. Урожай 1969 года», – вдруг сказал я, глядя в пустоту сквозь наполовину опустевшую бутылку.

«Здесь деньги за предыдущих двух красавиц. Все прошло хорошо», – Яша с дружеской заботой протянул мне увесистый сверток.

Я снова поднял голову к звездам. Неплохо было. Яша встал, отошел на пару шагов и посмотрел на меня, обернувшись. Не было необходимости в свете, чтобы увидеть его сочувственный взгляд с привкусом жалости.

«Пока, Лис», – неуверенно бросил он мне в след, наверное, гадая про себя, увидит ли меня в следующий раз или нет.

Я слегка приподнял бутылку и отхлебнул. Неплохой сегодня был день. Надо его запомнить, чтобы было, что вспомнить перед тем, как лечь в ромашковое поле.

5 июля

Шел очередной день в аду, а костлявая старуха с косой все никак не хотела меня забирать. Поганые, унылые и серые дни сменялись такими же днями, но я чувствовал ее. Ее глумливый хриплый смех преследовал меня постоянно. И днем и ночью. Но вот замаха косы никак не было. Мне казалось, что я схожу с ума, кружась в этом постоянном бреде: не просыхая, выпивать все, что только пьется, работая из последних сил на гребаной автомойке. И все же решительного замаха косы в ее костлявых руках пока не было. Она ходила вокруг меня, преследовала, следила, я это чувствовал всем своим нутром. Но эта старая стерва никак не хотела выполнять свою работу. Потому что сука знала, что если она обхватит меня своими холодными руками за горло и утащит за собой, то все мои мученья в этом сером и невыносимо притворном мире закончатся и ей просто-напросто будет скучно без меня. Ей будет не найти второго такого: больного на всю голову и не только, идиота, пьяницу, дебошира, развратника. Ей было очень интересно наблюдать за мной. А я за счет слабости характера всячески потакал ей, в том числе и сегодня. Сегодня был на редкость светлый теплый денек. Ну просто полная мразота для меня, а я во второй раз не смог нажать на курок и увеличить процент свинца в своем организме. И без этого я чувствовал себя крайне погано, так еще и это. Свинца в голове мне явно не хватало. Даже вши в собачьей промежности были лучшего о себе мнения, чем я. Швырнув пистолет на пол, я открыл очередную бутылку вина и развалился на кровать. Ночью сон ко мне не заходил, не пришел он и сейчас. Поэтому я решил растряссти не много свое брренное тельце и пройтись по ночному городу. Так я собрался прогуляться по ночному городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.